

УДК 94/99(476.6)

РЕЙД ОТРЯДА РОМАНА РОГИНСКОГО ПО БЕЛАРУСИ ЗИМОЙ 1863 ГОДА

О.В. КАРПОВИЧ

(Брестский государственный технический университет)

Впервые в современной белорусской историографии с привлечением ранее неизвестных материалов и архивных источников представлены сведения о рейде первого на территории современной Беларуси повстанческого отряда (1863 г.) Романа Рогинского, уроженца Варшавы. Подробно изложен путь отряда от границ Гродненской губернии и Царства Польского на восток по территории Полесья; описаны боевые столкновения повстанцев с правительственными войсками и реакция местного населения на появление первых повстанцев в полесской глубинке. Анализируются причины поражения повстанческого отряда.

Введение. Отечественная историография, касаясь проблематики восстания 1863 – 1864 годов, практически не уделяет внимания боевым действиям различных повстанческих отрядов на территории современной Беларуси. Между тем это одна из важнейших тем в рамках изучения проблематики самого восстания, дающая ключ к пониманию причин поражения восстания в целом.

Самым первым повстанческим соединением, появившимся на территории Гродненской губернии, как и современной Беларуси в целом, стал созданный по решению Варшавского Центрального Национального комитета (ЦНК) отряд 22-летнего Романа Рогинского. Несмотря на свой юный (по современным меркам) возраст, Рогинский был уже опытным революционером. Выходец из семьи мелкопоместных дворян, он родился в 1841 году в Варшаве. Еще в период учебы в варшавской гимназии, увлекшись революционными идеями, быстро попал в поле зрения властей и едва не был исключен. Не сумев состояться на родине из-за радикальных взглядов, Рогинский был вынужден уехать в Италию, где уже была многочисленная польская диаспора, осевшая там после подавления восстания 1831 года. При поддержке Дж. Гарибальди в сентябре 1861 года в Генуе была открыта польская военная школа (подобно кадетскому корпусу), ставшая кузницей офицерских кадров для готовившегося варшавского восстания. Чуть позже эта школа была перенесена в Пьемонт, а в июне 1862 года итальянское правительство под давлением России ее ликвидировало. Но и за столь короткий промежуток времени военную школу смогли закончить 120 человек, в числе которых был и Роман Рогинский. «Получив с родины приказание вернуться», Рогинский с несколькими готовыми офицерами 15 октября 1862 года приезжает в Варшаву, где уже идет подготовка к восстанию. По распоряжению подпольного революционного варшавского правительства Рогинский был назначен комиссаром Подляского воеводства (в составе Бельского, Седлецкого, Луковского и Радзинского уездов) и прибыл в Бялу-Подляску, где занялся вербовкой людей, добычей оружия и средств на восстание. За короткий срок в подчинении у Рогинского оказался отряд приблизительно из трех тысяч человек, состоящий, как отмечал он сам, из беспоместной шляхты и мещан. В Бяле к Рогинскому присоединился и действующий офицер русской армии, прапорщик 3-й артиллерийской бригады Богуслав Павлович, ставший вскоре его адъютантом. Позднее вторым адъютантом стал бывший воспитанник одного из монастырей Стасякевич, после разгрома отряда Рогинского возглавивший собственный отряд в Брестском уезде.

Рогинский имел несколько небольших столкновений с войсками, пока не встретил более серьезного противника. Им оказался генерал-майор Свиты его императорского величества граф Иван Ностиц, потомок старинного аристократического рода, в январе 1863 года по личному распоряжению Александра II назначенный в распоряжение Виленского генерал-губернатора В.И. Назимова. Как вспоминал впоследствии сам Ностиц, по приезде в Вильно Назимов отправил его в Белосток, а оттуда граф с небольшим воинским отрядом прибывает в Бялу-Подляску, в окрестностях которой происходит первое сражение с Рогинским. С этого момента начинается первое заочное знакомство двух соперников.

Проведя несколько сражений с правительственными войсками на территории Польши, Рогинский, стремясь уйти от преследовавшего Ностица, переходит в Брестский уезд и 8 февраля (27 января) наведывается в Высоко-Литовск к князю Ксаверию Сапеге с просьбой выделить своих людей в отряд, а то и самому его возглавить. Как отмечал впоследствии Рогинский, «это не был потомок тех Сапег, которые имели сабли наготове для защиты родины. Дал он нам шесть коней, две двустволки да 250 рублей денег. Вот жертва, которую он принес на алтарь отечества» [4, с. 439]. Сам князь, хоть и не поддержал восстание напрямую и откупился такой малой ценой, все-таки решил не искушать судьбу и в том же году эмигрировал за границу.

Вблизи усадьбы Королёв Мост Пружанского уезда 11 февраля (30 января) произошло столкновение отряда Романа Рогинского с превосходящими силами правительственных войск под общим командо-

ванием графа Ивана Ностица. В ходе боя часть повстанцев были рассеяны и отошли в Польшу, другая во главе со Стасякевичем двинулась по направлению к Брест-Литовску. В этом столкновении, которое закончилось трагически для Рогинского, погибло и попало в плен 85 повстанцев, был потерян весь обоз. Ностиц писал в мемуарах о 50 погибших повстанцах и 3 взятых в плен, свои потери он оценил в 13 раненых нижних чинов [11, с. 205]. Сам Роман Рогинский с остатками отряда укрылся в лесу. Поздним вечером 12 февраля (31 января) его отряд, соединяясь с небольшим формированием акцизного чиновника Гродненского губернского правления Станислава Сонгина, достиг местечка Шерешево. В сельском правлении было конфисковано 93 рубля казённых денег, которыми тут же были оплачены одежда и продукты, поставленные партизанам. Как писал сам Рогинский, при занятии им Шерешево «все местечко сбежалось нас накормить, а евреи доставили остальное. Когда же я заявил, что плачу за все, дали нам то, в чем больше всего ощущалась надобность: пороху, патронов и множество пистонов для ружей» [4, с. 448].

После этого объединённый отряд под общим командованием Рогинского на 15 фурманках двинулся на Пружаны, которые и были захвачены 13 (1) февраля. Партизаны недолго оставались без денег: в местном казначействе было «экспроприровано» 10808 рублей и 85 копеек, документы и амуниция. Попутно была обезоружена местная немногочисленная воинская команда и захвачено 200 карабинов и 1720 патронов. Не обошлось без кровопролития: «убиты 2 рядовых инвалидной команды и 1 отставной ...и ранены 9 человек, из коих один, находившийся на часах у дверей казначейства, получил 10 ран» [2, с. 343]. Из городской тюрьмы было выпущено 9 арестантов, которые, однако, не присоединились к повстанцам. Рогинский в своих мемуарах вспоминал о том, что в Пружанах к нему в отряд вошло только 2 человека. Ими были бухгалтер казначейства Стравинский, который «нанес удар шашкой по голове» безоружному солдату местной инвалидной команды, и писарь уездного суда Глебович «выстрелом в горло» убивший рядового Колесникова [2, с. 344]. Помимо этого, Рогинский «силой увел в мятеж» местных дворян братьев Франца и Александра Пульховских и дворянина Брестского уезда Малевского, которые, впрочем, бежали из отряда той же ночью, о чем чистосердечно и доложили военному начальству [8, л. 11 – 11об].

В самом городе действовала местная подпольная организация, благодаря усилиям которой и был так легко захвачен уездный центр. Практически сразу по горячим следам было установлено, что непосредственную помощь Рогинскому оказывало практически все городское руководство во главе с уездным предводителем дворянства Валентием Швыковским. Как свидетельствуют архивные материалы, «главными агентами» революционного повстанческого комитета в Пружанском уезде были уездный предводитель дворянства Валентин Швыковский, уездный казначей Горецкий, уездный исправник капитан Иван Руммель, городничий штабс-капитан Бенедикт Койшевский, уездный судья Александр Вислоух, начальник городского острога Ивановский, начальник Пружанской дворянской опеки Франц Бортновский и целый ряд других [6]. Интересно поведение военных властей, охранявших город. Начальник команды Пружанской внутренней стражи поручик Платон Головня при нападении на город «обнаружил трусость и, спасая только себя, бежал из города, переодевшись в крестьянскую одежду». Впоследствии Головня был лишен офицерского звания и дворянства, изгнан из армии и выслан вглубь России. Его помощник фельдфебель Пухальский разжалован в рядовые и отдан в Оренбургскую арестантскую роту [5, л. 1 – 3]. Пружанский городничий капитан Бенедикт Койшевский лично указал повстанцам военный арсенал и казармы инвалидной команды [2, с. 343].

Конфискованное оружие, боеприпасы и амуницию погрузили на телеги, и отряд двинулся в сторону Кобрина. Однако вскоре между Рогинским и Сангиным произошла размолвка. Сангин был резко против дальнейшего продвижения по территории Гродненской губернии, считая, что регион еще не готов к восстанию. Рогинский же настаивал на продвижении вглубь «Литвы» как можно дальше [11, с. 206]. В результате разногласий отряд Сангина, забрав свою часть добычи (половину оружия, амуниции и 5000 рублей), повернул в сторону Бельского уезда. Забегая вперед, отметим, что отряд Сангина 15 (3) февраля попал в засаду близ селения Речица Пружанского уезда и был разгромлен превосходящими силами правительственных войск под командованием подполковника Вимберга. Погибли 11 повстанцев (в том числе и сам Сангин), 16 попали в плен, несколько человек утонули, сумели спастись лишь 8 повстанцев. Потери правительственных войск составили 2 человека убитыми и трое ранеными [11, с. 206; 13, с. 321]. Впрочем, к данным по потерям с обеих сторон следует относиться с максимальной осторожностью. И русское командование, и повстанцы всячески завышали чужие потери, занижая при этом свои. Зачастую эти непроверенные данные попадали и в официальную литературу. Так, сборник материалов Муравьевского музея (1915) в сведениях о том сражении приводит уже просто фантастические цифры о 83 убитых, 34 раненых и 14 взятых в плен повстанцах Сангина [1, с. XL]. Однако в действительности его отряд не превышал 40 человек.

Тем временем Рогинский с отрядом в 30 человек продолжал дальнейшее движение. После захвата Пружан отряд Рогинского расположился на отдыхе в имении Линево помещика Богуслава Трембицкого, где был готов ужин на 120 человек [8, л. 24]. В дальнейшем на протяжении пути отряда до Антополя к Рогинскому активно присоединялись местное дворянство, гимназисты, ремесленники, служащие лесной стражи. Местные помещики, не вливаясь в его отряд сами, старались оказывать ему лишь небольшую по-

мощь. Так, при проходе Рогинского через имение помещика Шемиота последний дал Рогинскому в качестве проводника своего родственника Керножицкого, наказав ему «провести отряд проселочным путем на большую дорогу, идущую от Пинска на Волинь» [7, л. 7]. В итоге отряд Рогинского вскоре вырос до 85 человек и 14 (2) февраля прибыл в имение Антополь Кобринского уезда, принадлежащее графу Казимиру Ожаровскому. Отставной артиллерийский штабс-капитан и бывший мировой посредник Кобринского уезда граф Ожаровский был довольно влиятельной фигурой. На его помощь в пополнении своего отряда людьми и рассчитывал Рогинский. Однако граф не оказал Рогинскому приема, на который тот рассчитывал, и вся помощь свелась лишь к поставке продовольствия повстанцам. Напоследок Ожаровский подарил Рогинскому своего лучшего коня и карабин [12, с. 65]. Но это скорее был жест вежливости, чем реальная помощь. Не получив реальной помощи от графа Ожаровского, Рогинский на свой страх и риск решил двигаться дальше, вглубь Полесья.

На всем протяжении пути Рогинский имел контакты с лесными стражниками государственных и частных имений, которые сообщали ему о передвижениях и местах дислокации правительственных войск. Так, в местечке Любешев им было получено сообщение, что из Пинска на поиск повстанцев вышел пехотный батальон, а в самом городе осталось только около 100 человек казаков и военнослужащих местной инвалидной команды. Воспользовавшись уходом из города основных сил, Рогинский решил атаковать город. Для проверки информации и установления связи с местной подпольной повстанческой организацией в город был выслан помощник Рогинского Волович, который вернулся через 2 дня с полицейским урядником Юрашкевичем, учителем Пинской гимназии Остромецким и гимназистом Клюковским, поступившими в отряд [11, с. 207]. Тогда же и выяснилось, что сведения об уходе из Пинска основных сил были дезинформацией.

Вечером 20 (8) февраля на мосту через реку Ясельда, в 3 км от почтовой станции Иванишовка и в 11 км от Пинска, отряд Рогинского перехватил почтовую эстафету в Минск. С почтового фургона кроме секретной переписки властей были захвачены также деньги на сумму в 4800 рублей серебром и векселя на 5546 рублей 50 копеек. При этом был убит ямщик, и получил тяжелое ранение почтальон [12, с. 65; 11, с. 207]. Проведя эту акцию, Рогинский отправился полесскими лесами в направлении Лунин – Радзивиловичи, и далее – к Боркам.

Генерал Ностиц 23 (11) февраля разделил свое подразделение на 4 отряда и отправил их вслед за Рогинским. Первый отряд под командованием штабс-капитана Евдокимова (рота 7-го Ревельского пехотного полка и 70 казаков) двинулся по направлению к Лунину. Второй отряд капитана Евстратова (рота 7-го Ревельского пехотного полка и 100 казаков) направился к Логишину. Третий отряд подполковника Вимберга (рота 7-го Ревельского пехотного полка и 50 казаков) двигался вдоль канала Огинского. Четвертый отряд капитана Нефедова в составе одной роты Ревельского полка и 25 казаков был направлен в район Кожан-Городка с задачей перекрыть Припять и не дать Рогинскому переправиться на ее левый берег. В этот же день Рогинский вошел в имение Лунин князя Друцкого-Любецкого, где отряд получил продовольствие и несколько лошадей [1, ч. 2, с. 67 – 68].

Отряд Рогинского 26 (14) февраля достиг небольшого селения Борки Пинского уезда. Это была маленькая бедная деревушка, состоящая из нескольких деревянных домов и ряда хозяйственных построек. Повстанцы расположились лагерем среди этих строений и устроились на ночлег. В ночь с 26 на 27 (15) февраля лагерь внезапно атаковала колонна штабс-капитана Евдокимова. Наспех построенные баррикады из возов не спасли повстанцев от полного разгрома. Из отряда, насчитывавшего 85 человек, сумело спастись только 12 человек во главе с Рогинским; 24 повстанца попали в плен, остальные погибли. Среди взятых в плен находился и прапорщик 13-й артиллерийской бригады Богуслав Павлович, самовольно оставивший часть и присоединившийся к Рогинскому еще на территории Польши. Трофеями Евдокимова стали 18 возов с оружием и продовольствием, 49 лошадей [1, ч. 2, с. 68; 11, с. 208].

Разгромив отряд Рогинского, граф Ностиц начал наводить порядок в самом Пинске. По подозрению в связях с повстанцами были арестованы секретарь уездного предводителя дворянства Валентий Тржетяк, секретарь уездного суда Генрих Щипилло, секретарь земского суда Франц Мороз. Были уволены уездный исправник Венедикт Флигель, городничий поручик Волчанинов и почтмейстер [1, ч. 2, с. 69; 9, с. 120].

Тем временем Рогинский с немногими уцелевшими повстанцами стремился вырваться из сжимающегося вокруг него кольца окружения, уходя все дальше на восток. Несколько дней его значительно поредевший отряд блуждал по лесам при сильном морозе и ветре, пока не достиг имения Круковичи помещика Одаховского, где Рогинский надеялся остановиться на ночлег. Однако прибывшая туда колонна капитана Альбертова нарушила эти планы, и повстанцы снова бежали в лес. Из имения к Рогинскому присоединился студент Киевского университета, работавший гувернером у Одаховского [11, с. 209]. Чуть позднее в небольшом селении Лахва Рогинскому удалось с помощью местных крестьян раздобыть немного продуктов для своего отряда и подводу, на которой повстанцы направились в сторону Житковичей Мозырского уезда.

Рано или поздно фортуна отворачивается от своего любимца. Так произошло и с Романом Рогинским. В начале марта бесконечные скитания его отряда по незнакомому краю подошли к концу. Не дохо-

дя до Житковичей, он оставил свой отряд, а сам с помощником Юрашкевичем пешком пошел в Туров, где помещик, отставной уланский офицер Млынский, 3 марта (18 февраля) в своем доме собирал шляхту. Однако вместо шляхты у Млынского собрались мещане, которые скрутили Рогинского и Юрашкевича и сдали его казакам. Под усиленной охраной повстанцы были отвезены в Житковичи, а оттуда в сопровождении капитана Альбертова доставлены в Пинск. В Пинске состоялась первая встреча графа Ностица с Романом Рогинским. Вот как описывает сам Рогинский свое первое свидание с Ностицем [4, с. 152]: «Он вошел в комнату, где собралось много офицеров, с любопытством рассматривавших меня, и, обращаясь ко мне, сказал по-русски:

– Г-н Рогинский, я вашу храбрость уважаю. Подал бы вам руку, но руки ваши обагрены кровью моих соотечественников. Вы подняли мятеж против нашего государя и народа. Если вам это будет прощено, останемся друзьями...».

Пробыв несколько дней в Пинске, Ностиц под усиленной охраной лично доставил Рогинского в Брест-Литовск. И здесь начинается интересное. Генерал Иван Григорьевич Ностиц имел богатый боевой опыт, полученный на Кавказе, обладал он и везением. Но Россия всегда имела отличных боевых офицеров, и Ностиц здесь не исключение. Знаменит он стал как один из первых в империи профессиональных фотографов. В частности, все первые снимки знаменитого Шамиля были сделаны графом Ностицем. Именно в Бресте столбовой дворянин, генерал-майор Свиты его императорского величества граф И.Г. Ностиц снизошел до уровня ремесленника и сделал арестантские снимки своего знаменитого пленника. Вполне возможно, что его брестские фотографии сохранились и находятся в российских архивах.

В дальнейшем этого неординарного пленника этапировали из Бреста в Варшаву, где военный суд приговорил Романа Рогинского к смертной казни. Но генерал Ностиц сдержал слово, данное Рогинскому в Пинске. «Во внимание чистосердечного признания Рогинского и сделанных им показаний, желая спасти жизнь этого энергичного двадцатилетнего юноши... я ходатайствовал у Великого князя (наместника Царства Польского Константина Николаевича – *О. К.*) о даровании ему жизни», – вспоминал позднее генерал. Приговор был заменен пожизненной каторгой в Сибири. В 1896 году Рогинский получил амнистию по случаю воцарения на престоле Николая II и «навестил генерала Ностица, ныне уже старичка, доживающего век в своем поместье на Украине. Встретил он меня с непритворной радостью и радушием» [4, с. 152].

Повстанцы из отряда Рогинского были схвачены вскоре после ареста их командира. Трофеями правительственных войск стали 5 повозок, 18 лошадей, 3 ружья и боеприпасы [1, ч. 2, с. 73].

Сведений о составе отряда Романа Рогинского крайне мало. Удалось установить фамилии лишь немногих лиц, оказавшихся в составе самого первого на территории современной Беларуси повстанческого отряда. Так, достоверно известно, что в разное время к отряду Рогинского присоединились: учитель Пинской гимназии Остромецкий, ученики этой же гимназии Кроликовский и Кучевский, ксендз Мозырской гимназии Выгановский, чиновники Пинского уездного суда Тржецяк, Винский, Шепилло, Павел и Франц Морозы, отставной пехотный поручик Кеневич, прапорщик Двораковский, дворянин Калаур [3]. Отдельно следует коснуться истории некоего дворянина Тита Самульского. Он был ранен в бою с правительственными войсками еще в январе 1863 года, находясь в составе отряда Романа Рогинского. Когда Рогинский захватил Пружаны, Самульский был оставлен на лечение у местного помещика Морачевского; 3 (15) февраля того же года Морачевский доставил Самульского к пружанскому приставу, который и посадил раненого повстанца под арест в местный острог для дальнейшего разбирательства. Через некоторое время Самульский был выпущен из-под ареста, отдан на поруки отставному подпоручику Станиславу Трембицкому и некоторое время жил в его доме в Пружанах. За время пребывания на свободе Самульский развернул активную работу по вербовке местных жителей, в первую очередь чиновников в отряды, нередко угрожая последних «лишить жизни». Причем вербовка шла непосредственно в самих учреждениях по месту службы чиновников. Таким образом ему удалось набрать около 40 человек. В мае 1863 года Самульский и Трембицкий благополучно ушли из Пружан в отряд Влодека. Станислав Трембицкий был арестован 5 (17) сентября 1863 года и на допросах упорно повторял, что Самульский сам ушел из его дома без ведома хозяина и он, боясь ответственности, был вынужден также уйти в леса, где через какое-то время его нашли повстанцы Влодека. Впоследствии Трембицкий был приговорен к 6 годам каторги, следы Самульского теряются в Польше [10, с. 23, 44, 155].

Заключение. Роман Рогинский совершил впечатляющий рейд со своим отрядом по территории Беларуси. За 24 дня он преодолел 750 км, расстояние, которое и в годы Великой Отечественной войны не каждый партизанский отряд был способен пройти. Все это время он действовал в совершенно незнакомых для него условиях и местности, абсолютно не зная настроений среди проживающего здесь населения. Недаром его действия получили должную оценку у русского командования. Один из офицеров подразделения графа Ивана Ностица, охотившегося за отрядом Рогинского, писал: «Этот ловкий предводитель всегда действовал как опытный партизан, быстро формируя шайки, он, несмотря на то, что был три раза последовательно разбит, держался довольно долго, тревожа уезды Пинский, Брестский и в особенности Кобринский» [1, ч. 2, с. 134]. Сам Ностиц также отмечал исключительные качества Рогинского.

«Отвага, энергия и предприимчивость всегда творили чудеса на войне, и этими качествами вполне обладал Рогинский», – вспоминал генерал позднее [11, с. 210].

Рогинский считал, что появление здесь повстанческого отряда станет мобилизующим фактором среди местного населения и всколыхнет его на поддержку восстания. На какой-то момент его ожидания оправдались. Так, по сведениям генерала Ностица, на территории Пружанского и Пинского уездов к Рогинскому присоединилось от 35 до 45 человек – чиновники, гимназисты, отставные офицеры [1, ч. 1, с. 68 – 69]. Однако главная ошибка Рогинского была в его ставке на «сознательность» местного влиятельного дворянства. Как оказалось позднее, имущее дворянство фактически отказало ему в поддержке, крестьянство также не спешило поддержать Рогинского. Слабость подпольных повстанческих организаций, а в ряде мест они еще не были сформированы вообще, абсолютная инертность края по причине полной неготовности к восстанию сыграли с Рогинским злую шутку. Тем не менее его надежды не пропали даром. Первые повстанческие отряды на территории Гродненской губернии из местного населения были сформированы в апреле – мае, во многом благодаря активной позиции бывших повстанцев Рогинского.

Можно по-разному относиться к восстанию 1863 года и его идеям. Но нельзя не оценить кипучую энергию Романа Рогинского, его талант и храбрость. Все эти качества, умноженные на определенную долю авантюризма, позволяют относиться к этому неординарному человеку с восхищением и уважением. В лице Рогинского генерал Ностиц получил достойного противника, боровшегося за свое отечество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863 – 1864 гг. в пределах Северо-Западного края: в 2-х ч.; под общ. ред. А.И. Миловидова. – Вильно, 1913. – Ч. 1; Вильно, 1915. – Ч. 2.
2. Восстание в Литве и Белоруссии 1863 – 1864 гг.: материалы и документы. – М.: Наука, 1965. – 586 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 109. – Оп. 38. – Д. 23. О беспорядках в Царстве Польском и западных губерниях. – Ч. 30: О Романа Рогинском.
4. Из воспоминаний повстанца (Р. Рогинский) // Исторический вестник. – 1906. – Т. 105. – С. 422 – 452.
5. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ). – Фонд 1. – Оп. 31. – Д. 62. Дело по обвинению разных лиц в участии в польском восстании.
6. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 2887. Конфирмация на членов Гродненской революционной организации.
7. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 199. Дело о повстанческом движении по Кобринскому уезду.
8. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 204. Дело о повстанческом движении по Пружанскому уезду.
9. Памятная книжка Минской губернии на 1862 год. – Минск: Тип. губернского правления, 1861. – 260 с.
10. Повстанческое движение в Гродненской губернии 1863 – 1864 гг.; под ред. Д.В. Карева. – Брест: Академия, 2006. – 404 с.
11. Gora, S. Początki powstania styczniowego na Litwie i Białorusi oraz działania oddziału Romana Rogińskiego na tych terenach w okresie od 7 lutego do 3 marca 1863 r. / S. Gora // Studia i materiały do Historii Wojskowości. – 1985. – Т. 28. – S. 199 – 211.
12. Laniec, S. Litwa i Białoruś w dobie konspiracji i powstania zbrojnego, 1863 – 1864 / S. Laniec – Olsztyn: Ośrodek Badan Nauk im. W. Ketrzynskiego, 2002. – 196 s.
13. Zielinski, St. Bitwy i potyczki 1863 – 1864. Na podstawie materialow drukowanych i rekopismiennych Muzeum Narodowego w Rapperswilu / St. Zielinski. – Rapperswil, 1913. – 412 s.

Поступила 28.09.2012

THE RAID OF ROMAN ROGINSKY'S DETACHMENT THROUGH BELARUS IN WINTER OF 1863

O. KARPOVICH

For the first time in modern Belarusian historiography with involvement of materials and archival sources, that have been not known before, information is presented about the raid of the first rebel detachment on the territory of contemporary Belarus in 1863, which was headed by Roman Roginsky, who was born in Warsaw. The way of the detachment from the boundaries of Grodno province and Polish Kingdom to the east through the territory of Polesye is expounded; armed conflicts of the rebels with governmental forces and the reaction of the local residents on the appearance of the first rebels in the backwoods of Polesye are described. The reasons why the rebel detachment suffered a defeat are analyzed.